

Ты считаешь--

-- Звездам суждено полностью раскрыть свою суть в предстоящие четыреста восемнадцать дней, -- произнес Фримонт.

-- Девятнадцатого сентября этот Год Покаяния завершится, -- сказал Серимон.

Фримонт выглядел одновременно довольным и удивленным.

-- Похоже, вы немало изучали наше учение.

-- До определенной степени. Во всяком случае, в последнее время мне доводилось слушать речи Мондира. Я знаю о цикле в две тысячи сорок девять лет... и о том, что вы называете периодом великого пожара. Полагаю, вряд ли вы сможете сказать об этом что-то еще?

-- В пятой главе «Книги Откровений» вы найдете все объяснения. Впрочем, сейчас искать не обязательно, я могу процитировать вам ее. Небесный огонь упадет со звезд, что взлелеяны божественной волей, и едва коснется он пламени, города Кальгаша, их обитатели и всё, что они создали, будут преданы величайшему разрушению и обратятся в пепел.

Серимон кивнул.

-- Катастрофа разразится внезапно. Почему?

-- Такова воля Божья. Нас предостерегали от зла и дали время на покаяние. Этот период мы и называем Годом Покаяния, он равен человеческому циклу в две тысячи сорок девять лет, как вам уже известно. И этот Год Покаяния подходит к концу.

-- И тогда мы все будем уничтожены. Вы так считаете?

-- Не все, большая часть. Цивилизация целого поколения тоже погибнет, а горстке выживших придется взять на себя тяжкий труд по восстановлению родного дома. Вы, кажется, уже поняли это. Таков период тревог в очередном круговороте человеческого развития. Предстоящее бедствие — вовсе не первая проверка человечества Богом, и далеко не первая из тех, что мы провалили. Неудачных испытаний было уже немало, и вот мы вновь стоим на краю пропасти.

Странно, но Фримонт совсем не походил на какого-нибудь фанатика, подумал Серимон. Не считая странной мантии, он выглядел точь-в-точь как молодой делец, сидящий в уютном офисе — скажем, начальник кредитного отдела или инвестиционный банкир. Он был умен и деятелен, это бросалось в глаза с первого взгляда. Речь его текла свободно, мысль работала четко, выражался он кратко и емко, без пустословия и бредовых фантазий. Но вещи, которые он преподносил столь лаконично, были чудовищной ложью, сущим вздором. То, что он говорил, разительно отличалось от того, как он это говорил, между ними лежала пропасть.

Он сидел спокойно, расслабленно ожидая следующего вопроса от журналиста.

-- Прощу прощения, -- спустя мгновение заговорил Серимон. -- Как и многим другим, мне невероятно трудно принять столь масштабное событие, которое преподносится мне как непреложная истина. Мне нужны неопровержимые доказательства, а вы не предоставили ни единого. Вы скажете: верьте нам, неопровержимых доказательств дать нельзя. Конечно, это всё, что вы можете нам сказать. А нам остается лишь поверить вам на слово, раз уж вы

услышали это от Бога, а Бог, как известно, не лжет. И все же, не могли бы вы объяснить, почему я должен вам верить? Для такого человека, как я, одной лишь веры явно недостаточно.

-- С чего вы взяли, что доказательств нет? -- парировал Фримонт.

-- Разве они есть? Разве не в «Книге Откровений» об этом написано? Для меня косвенные улики — вовсе не доказательство.

-- Вы же знаете, у нас очень древняя организация.

-- Говорят, ей уже десять тысяч лет.

Тонкие губы Фримонта тронула легкая улыбка.

-- Это цифра, брошенная для красного словца, пожалуй, преувеличенная ради пущего эффекта. Внутри братства мы говорим лишь о том, что оно уходит корнями в доисторические времена.

-- Выходит, вашей группе по меньшей мере пара тысяч лет.

-- Наверное, даже больше, по крайней мере так оно и должно быть. Она восходит к периоду до последней катастрофы — а значит, насчитывает больше двух тысяч сорок девяти лет, возможно, намного больше, но мы не можем этого доказать, по крайней мере так, чтобы вы сочли это доказательством. Мы полагаем, что Культ Пламени существовал даже за несколько циклов уничтожения до этого, то есть ему вполне может быть и все шесть тысяч лет. Короче говоря, мы зародились еще до катастрофы, и это крайне важно. Наша организация тихо и незаметно пережила уже не один Год Покаяния, а потому располагает исчерпывающими архивами, доказывающими неизбежность бедствия. Мы знаем, что произойдет, потому что понимаем, как именно развивались события раз за разом в прошлые эпохи.

-- Но вы никому не показываете те самые материалы, факты и доказательства, о которых говорите.

Они то и дело возвращались к теме доказательств, но так ни к чему и не пришли. Серимон начал ерзать на стуле. Очевидно, всё это было лишь блефом, попыткой запугать. Сплошные мрачные выдумки, призванные выманивать щедрые пожертвования у доверчивых богатеев вроде Боденеля, Вивена и прочих, кто панически боялся за свою жизнь и пытался откупиться от беды. Каким бы честным и умным ни казался Фримонт на первый взгляд, в конце концов он оставался лишь главным заговорщиком в мошеннической конторе, полной безумных идей, или же одним из тех простофилей, что сели в одну лодку с Мондиром.

-- Хорошо, -- сказал Серимон. -- Допустим на секунду, что в следующем году действительно разразится всемирная катастрофа, о которой вам известно во всех подробностях. Если говорить начистоту, чего именно вы от нас хотите? Чтобы мы все пошли в ваши церкви и стали молить Бога о прощении?

-- Об этом уже поздно думать.

-- Значит, надежды нет вообще? Если так, то к чему было так утруждать себя предупреждениями?

Фримонт снова улыбнулся, на сей раз без всякого напускного неведения.

-- На это есть две причины. Причина первая: мы не скрываем, что действительно хотим, чтобы

люди приходили в наши храмы — не для того, чтобы они пытались умиловить Бога, а чтобы слушали наши наставления и учились размышлять о морали и нормах поведения в соответствии с нашими критериями. Мы считаем, что в этом отношении можем предложить миру нечто по-настоящему ценное. Причина вторая, куда более насущная: мы хотим, чтобы люди поверили в неизбежность грядущего, дабы они могли принять меры для собственной защиты, смягчить удар стихии и уберечь нашу цивилизацию от полного уничтожения. Конечно, великий пожар неизбежен, ибо такова человеческая природа — и Бог уже изрек свое слово: час расплаты близок. Но даже в безумии и ужасе кто-то уцелеет. Уверю вас, мы, культисты Культа Пламени, непременно переживем это бедствие, невредимыми пройдем сквозь него и поведем человечество к новой эпохе возрождения. Мы готовы протянуть руку помощи тем, кто одолеет напасть вместе с нами, одарить их любовью и теплом. И это для вас тоже звучит как безумие, Серимон? Мы и вправду кажемся вам опасными безумцами?

-- Если бы я мог принять вашу гипотезу...

-- Вы имеете в виду пожар, который случится в следующем году? Да, он непременно будет. Весь вопрос в том, сумеете ли вы осознать это заранее, пока еще есть время. Если времени хватит, вы выживете и станете стражем уцелевшего наследия, ну а если нет — что ж, лишь когда грянет катастрофа и польются реки слез, вы поймете, что всё это время мы говорили чистую правду.

-- Сомневаюсь, что до этого дойдет, -- произнес Серимон.

-- Искренне надеюсь, что эта мысль сохранится у вас до самого последнего дня Годá Покаяния, -- откликнулся Фримонт, резко поднимаясь с места и протягивая Серимону руку. -- Мне пора. Предводитель примет меня через несколько минут. Уверен, у нас еще будет время побеседовать. Завтра или даже раньше — я постараюсь выкроить время. С нетерпением жду нашей новой встречи. Как ни странно, у меня такое чувство, будто нам с вами суждено тесно сотрудничать, работать бок о бок. Знаете ли, у нас очень много общего.

-- Вот как?

-- Дело не в вере, дело в выживании — в том, чтобы помогать выжить другим... Да, я так думаю, и в этом я абсолютно уверен. Полагаю, непременно настанет день, когда мы станем искать друг друга и объединимся перед лицом тьмы. Я твердо верю, что такой день придет.

Ну конечно, пожалуй, мне стоит немедленно обзавестись пошитым по фигуре черным балахоном, подумал Серимон. Выказывать раздражение и вести себя вызывающе перед Фримонтом не имело ни малейшего смысла. Культ Пламени явно набирал силу, и за всем этим стоял грандиозный заговор. Чтобы разобраться в нем, ему во многом придется полагаться на самого Фримонта. Серимон торопливо засунул «Книгу Откровений» в портфель и встал.

-- Я навещу вас через пару недель, -- сказал он. -- Как только внимательно изучу эту книгу. К тому времени у меня наверняка накопится куда больше вопросов... Сколько времени требуется, чтобы записаться на аудиенцию к Мондиру 71?

Фримонт был не из тех, кого так просто поймать на удочку.

-- Я уже говорил: с нынешнего момента и вплоть до наступления великого пожара у Его Сиятельства невероятно плотный график, он не принимает индивидуальных посетителей. Мне искренне жаль, но я ничего не могу изменить.

Фримонт протянул руку:

-- Было приятно с вами познакомиться.

Сезон дождей в Саро стоял в самом разгаре, когда Шелин 501 вернулся в город, и ливень не прекращался ни на минуту. Когда пухлый психолог выбирался из самолета, вода хлестала с невероятной силой, а аэродром почти превратился в океан. Потоки воды обрушивались наперерез свирепому ветру. Небо было свинцовым, земля — хмурой... Всё вокруг утопало в мрачных тонах... И пусть мрак еще не сгустился окончательно, солнце все же оставалось на небе. Позади молочно-белых облаков на западе, должно быть, прятался Онус. На востоке пробивались бледные проблески Тано и Ситсара. Из-за тяжелых туч небо казалось угрюмым и неприятным, а для Шелина — поистине невыносимым. Хотя в Джолле он уже излил душу хозяину, тяжелый осадок от пятнадцатиминутной поездки по туннелю никуда не делся и продолжал исподволь терзать его. Он бы скорее провел десять дней в голодовке, чем признался в этом Кейларитану, Чубелло или кому бы то ни было еще. Но истина заключалась в том, что тогда его жизнь висела на волоске. Следующие три-четыре дня Шелин переживал нервный срыв, нечто вроде приступа клаустрофобии. В Джолле из-за этого вовсю отправляли людей в психиатрические клиники. Когда он писал отчет в гостиничном номере, ему часто казалось, что на него внезапно обрушивается тьма, и тогда он был вынужден вставать, брести на террасу или даже выходить из комнаты, подолгу гуляя в саду. Было ли в этом реальная необходимость? О, пожалуй, и нет, но ему так хотелось. Разумеется, хотелось, и всякий раз после этого ему становилось легче. Стоило же ему засыпать, как возникало жуткое ощущение, будто его со всех сторон обложила непроглядная тьма. Естественно, засыпал он неизменно при включенном свете — каждый божий раз, ведь он прекрасно знал: никто из тех, кто побывал в туннеле, не поступает иначе. После той поездки он даже приготовил аварийный фонарь на случай отключения батарей. Хотя индикатор четко и ясно показывал, что заряда хватит еще на полгода, утомленный мозг Шелина упорно твердил, будто его комната погрузилась в глубочайшую, крошечную, абсолютную тьму. Он регулярно пробуждался посреди ночи в холодном потом и дрожи, свято веря, что сорвался в бездонную черную пропасть. Но дружелюбный свет ламп по обе стороны кровати неизменно возвращал его к реальности, доказывая, что всё в порядке.

И вот теперь, сойдя с трапа самолета, он шагнул в эту сумрачную сырость — о, наконец-то дома, хотя ему куда больше по душе было бы возвращение под лучами солнца. Ему необходимо избавиться от этих навязчивых терзаний — хотя вряд ли их можно назвать легкими. Шагая по дурно пахнущему стеклянному коридору-арке, ведомым к зданию аэровокзала, он отчаянно жалел, что эту галерею вообще построили, или что ее хотя бы не замуровали наглухо. Уж лучше вымокнуть под дождем, чем чувствовать себя заживо погребенным. Пожалуй, лучше бы выйти под открытое небо и сразу ощутить целительное тепло солнца — пусть даже слабого, пусть оно и скрывалось за толщей туч. Но в конце концов он преодолел этот мерзкий проход.

В зале выдачи багажа радостная мысль о том, что он наконец дома, наконец-то одержала верх над цепкими тенями прошлого. Настроение Шелина заметно улучшилось, когда он заметил припаркованную прямо у выхода машину Лилиас 221. Лилиас, стройная, привлекательная женщина лет тридцати семи-восьми, работала на кафедре психологии. Она занималась сложными экспериментами на животных, и с его сферой деятельности это никак не пересекалось. Они были знакомы уже больше десятка лет. Задумай Шелин жениться, он, пожалуй, давно сделал бы ей предложение. Но он не придавал браку особого значения, да и она выказывала ровно такое же отношение. Нынешний формат отношений устраивал обоих.

-- Ну и вымотался же я, всё это время только и думал о том, как бы вернуться домой... --

произнес он, быстро нырнув в салон и устроившись рядом с ней, после чего качнулся вперед и чмокнул ее в щеку в знак дружеского приветствия.

-- Дождь льет уже три дня, синоптики обещают, что будет капать еще трое суток, вплоть до следующего дня Онуса. По мне, так к тому времени мы все здесь утонем. Шелин, ты, кажется, изрядно похудел!

-- Правда? О, понимаешь, тамошняя еда на севере... совсем не по мне...

Он никак не ожидал, что похудение окажется настолько заметным. При его комплекции сбросить десять-пятнадцать фунтов незаметно было бы невозможно, но от пронзительного взгляда Лилиас это не ускользнуло. Быть может, он скинул даже больше десяти-пятнадцати фунтов. После путешествия по туннелю он едва заставлял себя пить и есть. Человек, который всегда отличался отменным аппетитом, вдруг потерял всякий интерес к пище — самому не верилось!

-- Ты выглядишь отлично, здоровым и полным сил, -- произнесла она.

-- Правда?

-- Я вовсе не требую, чтобы ты превратился в ходячий скелет, и не жду этого впредь, но сбросить немного лишнего веса никому не повредит. Выходит, в Джолле ты провел время неплохо?

-- Ну...

-- Побывал на Столетней ярмарке?

-- Да, потрясающе. — Ответ прозвучал несколько натянуто. — О небеса, Лилиас, ну и дождь же у вас.

-- А в Джолле разве не шло дождей?

-- Ясно и сухо, точно так же, как было в Саро, когда я улетал.

-- Ох, сезоны имеют свойство меняться, Шелин. Нельзя же рассчитывать, что одна и та же погода будет держаться по полгода, ты же знаешь. Солнце каждый день встает разное, мы не можем требовать от погоды неизменности.

-- Никак не пойму, кто ты — метеоролог или астролог? -- усмехнулся Шелин.

-- Ни то, ни другое, я психолог... Разве ты не собираешься рассказать мне о своей поездке, Шелин?

Он замялся на секунду:

-- Ярмарка была великолепна, жаль, что тебе не довелось ее увидеть. Но большую часть времени я пахал как проклятый. На севере города у них приключилась заварушка, с которой пришлось разбираться — тот самый загадочный туннель.

-- Говорят, в туннеле кто-то погиб, это правда?

-- Несколько человек. В основном у них диагностировали психологическую травму, дезориентацию и тяжелую клаустрофобию. Я беседовал с некоторыми пострадавшими. На их

восстановление уйдут месяцы, а кое-кто навсегда рассудком тронулся. И тем не менее туннель проработал еще несколько недель.

-- Даже после того, как начались проблемы?

-- Никого это не волновало, по крайней мере администрацию ярмарки точно — их интересовала лишь продажа билетов. А посетителей ужасно тянуло заглянуть в темноту. Тяга к темноте, можешь ты себе такое представить, Лилиас? Они выстраивались в длиннейшие очереди и были готовы рисковать собственными мозгами! Разумеется, каждый из них свято верил, что уж с ним-то беда не случится. Большинство действительно пронесло, но далеко не всех... Я ведь и сам прошел сквозь этот туннель.

-- Ты прошел через туннель? -- переспросила она, и в ее голосе послышалось изумление. -- И как ощущения?

-- Просто тошнотворно. Я готов выложить любые деньги, лишь бы больше никогда туда не соваться.

-- Но на вид с тобой всё в порядке.

-- Разумеется, -- осторожно отозвался он. -- Если сожрать полдюжины живых рыб, с тобой, пожалуй, тоже внешне ничего не случится. Но повторять подобный опыт я не стану ни за какие коврижки. С высоты своего профессионального авторитета я потребовал, чтобы эту проклятую дыру закрыли. И рассчитываю, что мое требование выполнят беспрекословно. Мы совершенно не приспособлены к тому, чтобы выносить темноту, Лилиас. Минута, две — еще куда ни шло, а потом начинается невыносимое. Это заложено в нас самой природой, я в этом убежден, это результат миллионов лет эволюции. Темнота — самое жестокое зрелище на свете, и кому-то вообще пришло в голову продавать ее людям как развлечение...

Голос его дрожал.

-- Впрочем, джолльские дела позади, я вернулся в университет. Что тут у нас новенького за эти дни?

-- Ничего особенного, -- ответила Лилиас. -- Всё по-прежнему: пустые споры из-за мелочей, собрания, громкие декларации, беспардонное вмешательство в те или иные горячие темы — ты же знаешь эту кухню.

Она на мгновение умолкла, крепко вцепившись обеими руками в рукоятку руля, и повела машину по затопленному участку скоростной трассы.

-- Кстати, в обсерватории нешуточный скандал. Твой приятель Бини 25 заходил сюда разыскать тебя, подробностей он мне не выкладывал, но, похоже, они собираются пересмотреть какую-то фундаментальную теорию. Народ шумит вовсю. Старый Артур лично возглавил это исследование. Сама понимаешь, чего от этого ожидать. По-моему, его мозги закалились еще век назад... Бини сошелся с каким-то писакой из бульварных колонок. Кажется, его зовут Серимон, Серимон 762. Лично мне он не слишком симпатизирует... но парень он известный и пробивной. Точно не скажу, что именно они собираются опровергнуть, но чутье подсказывает мне, что дело затевается грандиозное. Иначе они бы не проводили столько времени вместе.

Шелин мысленно сделал пометку обязательно позвонить молодому астроному, как только окажется дома. Бини жил со своей племянницей Рестой 717 уже почти год, и за это время они

с Шелином сильно сдружились. Несмотря на разницу в возрасте больше чем в два десятилетия, они стали самыми близкими друзьями. Страсть Шелина к астрономии служила тем прочным мостом, который связывал их. Артур вернулся к теоретическим изысканиям! Подумать только, что это значит! Неужели какой-то зарвавшийся выскочка разразился статьей, опровергающей закон всемирного тяготения? Нет, подумалось Шелину — на такое никто не осмелится.

-- А ты? -- спросил Шелин. -- Чем занималась всё то время, пока меня не было? Ты ведь до сих пор не обмолвилась ни словом.

-- А чем, по-твоему, я могла заниматься, Шелин? Улетела в горы кататься на планере? Записалась на собрания культистов Культа Пламени? Изучала новый курс политологии? Ничего подобного. Всё по старому кругу: книги, лекции, лабораторные опыты в ожидании твоего приезда. А еще я приготовила праздничный ужин к твоему возвращению... Ты ведь наверняка не сидишь на диете?

-- Разумеется, нет.

Он на мгновение нежно сжал ее руку своей.

-- Лилиас, я ужасно по тебе скучал.

-- Охотно верю.

-- Надеюсь, мы скоро поужинаем.

-- Звучит почти как комплимент.

Дождь усиливался, тяжелые капли барабанили по лобовому стеклу, и Лилиас изо всех сил старалась удержать машину на трассе. Сейчас они проезжали мимо величественного собора Пантеона, чей кирпичный фасад под потоками воды выглядел уже не столь впечатляюще. Из-за ливня вокруг сильно потемнело. Шелин боялся смотреть в окно, предпочитая сжаться в кресле и глядеть на подсвеченную приборную панель — это хоть немного успокаивало нервы. Ему до чертиков надоело сидеть в тесной машине, хотелось выбраться наружу, невзирая на дождь. Но так поступают только сумасшедшие: одежда мгновенно промокнет до нитки, а то и смочет потоком — воды на дороге набралось слишком много. Он принялся уговаривать себя думать о приятном, о теплом ярком свете, о солнце, о золотом сиянии Онуса, о мягком свете Патру и Трея, и даже о холодноватых лучах Ситсара и Тано и слабом румянце Довима. А еще он думал об ужине: Лилиас приготовила для него роскошное застолье, чтобы отпраздновать его возвращение. Какая же она прекрасная кухарка, эта Лилиас.

Хотя, поймал себя на мысли Шелин, аппетита у него не было ни капли.

<http://bllate.org/book/21124/2143631>